

*А.С. Луньков **

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ЛАГЕРЕЙ ДЛЯ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904-1905 ГГ.

Проблематика русско-японской войны продолжает отставаться актуальной для исторических исследований, особенно в свете современных тенденций, характеризующих развитие российско-японские отношения. При этом проблема военнопленных – одна из самых болезненных в плане отношений между участниками военного конфликта. Анализ религиозного аспекта организации быта русских военнопленных в Японии позволяет по новому взглянуть на особенности культуры и государственной политики обеих стран. Интересным является также изучение религиозных практик представителей других, помимо православной, конфессий.

Ключевые слова: русско-японская война, военнопленные, православие, иудаизм, военные конфликты, военная история.

Alexander S. Lunkov

THE RELIGIOUS ASPECT OF THE ORGANIZATION OF CAMPS FOR RUSSIAN PRISONERS OF WAR DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904-1905

The Russian-Japanese war is an actual problem of historical research. This is especially relevant in the context of current trends in the development of Russian-Japanese relations. At the same time, the problem of prisoners of war is one of the most painful for relations between participants in a military conflict. An analysis of the religious aspect of the organization of the life of Russian prisoners of war in Japan makes it possible to take a fresh look at the characteristics of culture and the states of both countries. It is also interesting to study the religious practices of representatives of religions other than Orthodoxy.

Keywords: Russian-Japanese war, prisoners of war, Orthodoxy, Judaism, military conflicts, military history.

Луньков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии Института философии и права УрО РАН; 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

Alexander S. Lunkov, Candidate of History, Head of the Educational Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

E-mail: istorik1981@mail.ru.

© Луньков А. С., 2019

Русско-японская война в современной исторической науке приобретает все большую актуальность как объект исследования. Это связано как с активизацией дипломатических контактов между Россией и Японией, так и с введением в научный оборот новых архивных материалов. Оцифровка же последних еще более упрощает доступ к историческим источникам широкого круга историков и журналистов. При этом ряд научных проблем истории русско-японской войны, ранее носивших печать «неоднозначных» или даже «позорных» страниц истории, сейчас становятся предметом изучения. К подобным «неоднозначным» фактам относится и проблема русских военнопленных этой войны. Между тем, изучение данного вопроса дает выход на целый ряд более глобальных проблем всеобщей истории начала XX века. Наиболее важным среди них являются проблемы практического применения во время боевых действий положений различных конвенций Первой Гаагской конференции 1899 г., вопрос о сочетании традиционных для Японии норм ведения войны и идеалов революции Мэйдзи, и стремления японцев к европейскому культурному признанию. Да и сама ситуация столкновения и совместного быта представителей двух очень разных культур имеет большой эвристический потенциал не только для исторической науки, но и других социально-гуманитарных наук.

На наш взгляд, религиозный аспект организации лагерей для русских военнопленных в Японии испытывал на себе влияние ряда факторов:

1. Многоконфессиональность русских военнопленных. Можно выделить как минимум 6 конфессиональных групп среди пленных – православные, католики, протестанты, буддисты, мусульмане и иудеи.
2. Активность японского командования по внедрению в практику ведения войны положений Первой Гаагской конференции.
3. Религиозные традиции самой Японии, в том числе история развития различных течений христианства на ее территории.
4. Идеалы революции Мэйдзи в аспекте внедрения в культуру Японии гуманистических ценностей в «западной» трактовке.
5. Японские традиции ведения войны, в частности отношения к пленным.

В данной статье мы рассмотрим более подробно только некоторые из этих факторов.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии последнего времени появился ряд публикаций, касающихся проблемы русских военнопленных. Всего по японским данным на территории Японии к моменту подписания Портсмутского мира и началу репатриации содержалось в плену 72408 человек [Сакон 2002 URL]. Хотя окончательной ясности с этой цифрой нет до сих пор, мы будем ориентироваться на нее. В это число не входят пленные, которых к моменту подписания перемирия еще не успели привезти в Японию и содержали

на различных транзитных пунктах на материке или в прифронтовой и тыловой области действующей армии. Точное число этих пленных на данный момент установить крайне сложно. Опыт содержания военнопленных и даже инфраструктура («приюты» для пленных) остались у Японии со времен японо-китайской войны. Поэтому можно сказать, что все мероприятия по организации содержания военнопленных были уже отработаны. Особенности этих организационных мероприятий, в частности, по реализации прав военнопленных на соблюдение религиозных обрядов, мы проиллюстрируем на примере двух самых многочисленных конфессий среди русских пленных – православных и иудеев.

Традиции христианства в Японии имеют довольно глубокие корни. Первый католический проповедник-иезуит появился в этой стране в середине XVI в. Однако очень скоро власти Японии взяли курс на изоляцию страны и начались гонения на христиан. Итогом этого процесса стало так называемое Симабарское восстание японцев-христиан 1637-1638 гг., которое было жестоко подавлено. Немногочисленные оставшиеся христианские общины были вынуждены скрывать свое вероисповедание. Так продолжалось вплоть до второй половины XIX в. Православие в Японии появилось вместе с русской дипломатической миссией, но первоначально не выходило за пределы узкого круга русских дипломатов и членов их семей. Все изменилось с приездом в Японию в 1861 г. Святителя Николая Японского (Иван Дмитриевич Касаткин, 1836-1912), в то время еще просто иеромонаха Николая. С его деятельностью связан один из интересующих нас аспектов организации жизни и быта русских военнопленных в Японии. К началу русско-японской войны Николай уже четверть века был епископом Ревельским и Японским [Марков 1999: 225] и в своей деятельности исходил, прежде всего, из идеалов христианской любви. Показателен в этом плане его ответ на вопрос, как быть православным японцам в случае войны Японии с Россией? Вопрос этот возник летом 1903 г., когда многими уже была осознана высокая вероятность конфликта. Его ответ был следующим: «Вы японцы, конечно, должны сражаться за Японию и осуществить христианскую любовь в своих самоотверженных действиях. Воевать с врагами – вовсе не значит ненавидеть их, а только защищать свое отчество» [Православные японцы 1904: 98].

Деятельность святителя Николая во время войны состояла в организации работы православных священников-японцев непосредственно в лагерях военнопленных и в содействии созданию и работе «Товарищества духовного утешения военнопленных» [Марков 1999: 231]. Последняя инициатива православных японцев поначалу вызвала большой энтузиазм у Николая, но последующая деятельность «Товарищества...» часто сопровождалась различными трениями с епархией, в основном, по финансовым вопросам [Жукова 2006: 82]. Среди ос-

новых препятствий для организации окормления военнопленных следует назвать категоричное нежелание властей Японии допускать к этому русских священников, даже попавших в страну вместе с самим пленными (с командой крейсера «Рюрик» был спасен корабельный священник, с гарнизоном Порт-Артура прибыло еще несколько). Для богослужений пришлось срочно готовить священников-японцев из тех, кто знал русский язык. Это, в свою очередь, породило другую проблему – несопоставимость количества военнопленных и количества священников. Последним приходилось прилагать огромные усилия, чтобы хоть как-то охватить своим вниманием всех прибывающих русских солдат и офицеров.

Более специфичной проблемой является наличие среди пленных представителей других конфессий. В отечественной историографии этот вопрос практически не затрагивался, как из-за традиционного представления о почти поголовном православии русских солдат и офицеров, так и в связи с недостатком источниковой базы. Однако если более углубленно рассмотреть этот вопрос, то возникает необходимость осмысления судьбы иноверцев в японском плену в связи с целым рядом моментов. Во-первых, по достаточно противоречивой информации, в японском плену должно было побывать довольно значительное число евреев (согласно наиболее тенденциозным из источников – до 12 тыс. человек [Шмаков 1906: ССХХV (225)]). Хотя работу А.С. Шмакова, вышедшую в 1906 г., вряд ли можно считать надежным источником, но так или иначе проблема иудеев и их религиозного быта в японском плену существовала. Согласно «Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона», информация которой восходит к данным Бюро по военнопленным при японском Военном министерстве, пленных евреев было всего 1739, то есть примерно 2,5% от всего числа пленных [Познер 1908-1913: 169-170]. Как же был организован их религиозный быт?

Л. В. Жукова в одной из своих статей пишет, что «помимо православных, среди русских военнопленных были католики, мусульмане и иудеи. Есть сведения, что для них были построены и котел, и протестантская кирха, и синагога, и мечеть» [Жукова 2010: 115]. К сожалению, автор не указывает источника этой информации, но ее подтверждение можно найти в зарубежной историографии. Довольно активно данную проблему исследует профессор Бер Котлерман из Университета Бар-Илан (Bar-Ilan University). В своей статье 1905 г., посвященной наиболее известному еврейско-герою Русско-японской войны Иосифу Трумпельдору, он акцентирует внимание на проблеме религиозной свободы евреев-военнопленных. Согласно его данным, японское руководство всячески шло навстречу просьбам евреев, в плане национальных и религиозных вопросов. Это касалось организации богослужения, празднования важных религиозных дат и погребения умерших [Kotlerman 2014: 42-44]. В отличие от православных, иудейские обряды соверша-

лись самими военнопленными из тех, кто знал все тонкости обрядности и традиций или делал что-то подобное в России. В своей публичной лекции 6 марта 2016 года в городе Кобэ, организованной «Обществом исследования еврейской культуры», профессор Котлерман отмечал, что в плену евреи пользовались большей религиозной свободой, чем в русской армии. В ряде лагерей были организованы синагоги (за что заключенные послали благодарственное письмо администрации одного из лагерей), издавался еженедельный журнал на двух языках «Der Yudesher Lebn / Еврейская жизнь» [Kotlerman 2016: 2-13] и т. д.

Причину таких лояльных условий содержания в плену следует искать в японской пропагандистской политике того периода. Уже процитированный выше Такэси Сакон в своей статье пишет, что «Япония как страна, вступающая в число модернизированных, цивилизованных западных государств, ограничивала себя всеми силами в рамках международных соглашений о войне» [Сакон 2002 URL]. Но дело было не только в этом. Согласно недавним исследованиям, в период войны японская разведка предпринимала разнообразные шаги по организации внутри Российской империи революционных выступлений. Ставка при этом делалась не только на политические партии, находящиеся в оппозиции или подполье, но и на националистические движения [Павлов 2016: 173-262]. Поэтому не случайно все лагеря были внутри структурированы по национально-религиозному принципу, и среди заключенных велась активная пропагандистская работа. Иначе довольно сложно объяснить столь гуманное отношение к русским солдатам. Тем более что в традиционной системе военных ценностей японцев плен считается большим позором (вплоть до того, что и в японском языке отсутствовало подходящее слово). Не было у японцев и какого-то особого отношения именно к русским. Для сравнения можно привести пример поведения японской армии во время интервенции на Дальнем Востоке России. По сути та же самая армия абсолютно не считалась с традициями местного населения, подвергает насилию не только подозреваемых в партизанской деятельности, но даже своих «союзников» из состава различных белогвардейских формирований [Мышов 2008: 73-82].

Таким образом, японская администрация всячески шла навстречу религиозным запросам военнопленных, но делала это сугубо в русле своей пропагандистской политики. Все обряды и таинства должны были совершаться либо священниками-японцами, либо самими заключенными. При этом японцы активно поддерживали националистические настроения и культивировали чувство благодарности Японии и ее народу.

Список источников и литературы

Жукова 2006 – Жукова Л.В. Обеспечение отправления религиозных обрядов русским военнопленным в Японии в 1904-1905 гг. //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 79-88.

Жукова 2010 – Жукова Л.В. Повседневность японского военного плена: русские солдаты и офицеры в Японии в 1904-1905 годах // Обозреватель-Observer. 2010. № 1. С. 106-119.

Марков 1999 – Марков В. В. Апостол Японии // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 221-236.

Мышов 2008 – Мышов Н.А. «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 73-82.

Павлов 2016 – Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904-1905 гг.: секретные операции на суше и на море. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 173-262.

Познер 1908-1913 – Познер С. Армия в России // Еврейская энциклопедия. СПб.: Общество для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон, 1908-1913. Т. 3, 169-170.

Православные японцы 1904 – Православные японцы // Владивостокские епархиальные ведомости. 1904. № 4-5. С. 98.

Сакон 2002 – Сакон Т. Военнопленные в период русско-японской войны 1904-1905 гг. // Окно в Японию. Е-mail бюллетень Общества «Россия-Япония», № 07, 2002.02.17. URL: <http://ru-jp.org/sakon.htm> (дата обращения 08.02.2018).

Шмаков 1906 – Шмаков А.С. Свобода и евреи. Спб., 1906. С. CCXXV (225).

Kotlerman 2014 – Kotlerman B. Between Loyalty to the Empire and National Self-Consciousness: Joseph Trumpeldor among Jewish Russian POWs in Japan (1905) // Asia Japan Journal. 2014. № 9. P. 39-49.

Kotlerman 2016 – Kotlerman B. Jewish Religious Challenges in the POW Camps in Japan, 1904-1905 // 港 / 港 / Port: Journal of the Japanese Association of Jewish Studies. 2016. № 21. P. 2-13. (in Japanese)

References

Zhukova 2006 – Zhukova L.V. Obespechenie otpravleniya religioznyh obryadov russkim voennoplennym v YAponii v 1904-1905 gg. // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2006. № 3. S. 79-88.

Zhukova 2010 – Zhukova L.V. Povsednevnost' yaponskogo voennogo plena: russkie soldaty i oficery v YAponii v 1904-1905 godah // Obozrevatel'-Observer. 2010. № 1. S. 106-119.

Markov 1999 – Markov V. V. Apostol YAponii // Izvestiya Vostochnogo instituta. 1999. № 5. S. 221-236.

- Myshov 2008** – Myshov N.A. «Oni... predstavlyayutsya naseleniyu v roli zavoevatelej». Otchet belogvardejskogo oficera o yaponskoj intervencii i Grazhdanskoj vojne na Dal'nem Vostoke. 1919 g. // Otechestvennye arhivy. 2008. № 3. S. 73-82.
- Pavlov 2016** – Pavlov D. B. Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg.: sekretnye operacii na sushe i na more. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Institut rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. S. 173-262.
- Pozner 1908-1913** – Pozner S. Armiya v Rossii // Evrejskaya ehnciklopediya. SPb.: Obshchestvo dlya nauchnyh evrejskih izdanij i izdatel'stva Brokgauz-Efron, 1908-1913. T. 3, 169-170.
- Pravoslavnye yaponcy 1904** – Pravoslavnye yaponcy // Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti. 1904. № 4-5. S. 98.
- Sakon 2002** – Sakon T. Voennoplennye v period russko-yaponskoj vojny 1904-1905 gg. // Okno v YAponiyu. E-mail byulleten' Obshchestva «Rossiya-YAponiya», № 07, 2002.02.17. URL: <http://ru-jp.org/sakon.htm> (data obrashcheniya 08.02.2018).
- Shmakov 1906** – SHmakov A.S. Svoboda i evrei. Spb., 1906. S. CCXXV (225).
- Kotlerman 2014** – Kotlerman B. Between Loyalty to the Empire and National Self-Consciousness: Joseph Trumpeldor among Jewish Russian POWs in Japan (1905) // Asia Japan Journal. 2014. № 9. P. 39-49.
- Kotlerman 2016** – Kotlerman B. Jewish Religious Challenges in the POW Camps in Japan, 1904-1905 // 港 / 人 / Port: Journal of the Japanese Association of Jewish Studies. 2016. № 21. P. 2-13. (in Japanese)

УДК 94(47).084.8:94(430).086
DOI 10.26170/vvi19-01-14
Код ВАК 07.00.03

*О.И. Нуждин**

ЖИЗНЬ И БЫТ ОККУПАНТА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1942 ГОДУ

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Oleg I. Nuzhdin, PhD in history, Associate professor of the Department of social and cultural Services and Tourism of the Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltzin, Ekaterinburg, Russia.

Телефон/Phone: +7(343)389-94-64. E-mail: o_nuzhdin@mail.ru

© Нуждин О. И., 2019